

Интервью с
П.Ф. Беликовым о Ю.Н. Рерихе.

Интервью с П.Ф. Беликовым о Ю.Н. Рерихе.

Ю.Н.

Говорить о Юрии Николаевиче и трудно и, вместе с тем, легко. Трудно потому, что человек он был очень многогранным. Я бы даже сказал, что неожиданно многогранным, потому что круг его интересов распространялся далеко за пределы той научной области, в которой он проявил себя крупным ученым востоковедом и лингвистом. Неожиданно для себя вы обнаруживали, что ему близки и он прекрасно ориентируется в вопросах ничего общего с лингвистикой и востоковедением не имеющими. Легко же, или даже скорее радостно говорить о Юрии Николаевиче потому, что воспоминания о нем всегда преисполнены той радостью, которую он нес людям. Поэтому общение с ним, как мне кажется, каждому давалось легко.

9. - Интересно было бы знать, когда и как Вы познакомились с Юрием Николаевичем?

- Лично я впервые встретился с Юрием Николаевичем только по приезде его в Москву в 1957 году, но заочно, по переписке знал его много раньше. В 1938 году Николай Константинович написал мне, что они разыскивают книгу Поппе "Грамматика монгольского языка", изданную в Ленинграде в том же году. Я работал тогда в представительстве советской книги "Международная книга" в Таллине, достал требуемую книгу и предложил свои услуги по ознакомлению с советской научной литературой, т.к. заказывал ее для Эстонии и следил за всеми каталогами, вплоть до "Книжной летописи". Вскоре пришло письмо от Юрия Николаевича, в котором он благодарил за предоставленную возможность получать нужные издания из первых рук и список разыскиваемых им книг. В то время Индия была еще колонией Англии, и прямых связей с Советским Союзом не имела.

9? - Выходит, что Вы через Николая Константиновича завязали контакт с Юрием Николаевичем? Сколько мне известно, последний раз он посетил Европу в 1934 году, да и то лишь проездом был во Франции. Какой повод был у Вас обратиться к нему?

0. - Признаться, никакого. Какой достаточный повод может быть у 25 летнего человека обращаться с письмом к всемирно известному художнику, ученному и общественному деятелю? Я очень любил искусство Рериха, высоко ставил его научную и культурную и общественную деятельность, выступал иногда с докладами о нем и отлично знал, что таких как я - тысячи в нашем огромном мире. Поэтому, при всем своем огромном желании я не помышлял писать к нему.

? -И все-таки?

О-И все-таки произошло нечто такое, что похоже на одно из "чудес востока". В один прекрасный день я обнаружил в своем почтовом ящике письмо из Индии от... Николая Константиновича Рериха. Хотелось верить в чудо, но все "чудеса", связанные с Рерихом, имеют вполне реальное объяснение. Позднее из переписки с ним я догадался, что обо мне сообщил ему один, проживающий в Таллине литератор. У самого этого литератора отношения с Рерихом складывались неважно, и, кажется, не могло быть ничего хуже, чем его рекомендация. Но, тем не менее, Рерих почему-то считал нужным послать мне письмо. Конечно, это письмо вдохновило меня, и я стал собирать материалы о его деятельности и жизни. Таким образом, у меня с годами сложился большой архив, которым сейчас широко пользуются наши искусствоведы, и который позволил мне создать его биографию, принять активное участие во всем, что связано с творческой деятельностью всех членов его семьи. Но мы отклонились от основной темы нашей беседы - от Юрия Николаевича.

? - Так оно всегда получается, и так, очевидно, и должно быть. О ком бы из Рерихов в отдельности не зашла речь, невольно переключаешься на остальных членов его семьи, так тесно они связаны в своей культурной деятельности, так духовно близки друг другу. От.- И при этом следует отметить, что каждый из Рерихов отличался яркой индивидуальностью не только в своем творчестве, но и по своему характеру. Да и внешне они мало походили друг на друга, хотя сразу в них можно было узнать одного из Рерихов.

? . -Чем же особенно отличался Юрий Николаевич? Чтобы Вы сказали о его внешности, о наиболее свойственных ему чертах характера? От. - Прежде всего бросалась в глаза необыкновенная подвижность Юрия Николаевича, мгновенная его реакция на все окружающее, при полнейшем отсутствии признаков какой-либо суетливости. Это довольно редкое сочетание человеческих качеств. Большую подвижность подтверждают и фотографии Юрия Николаевича, среди них почти нет похожих одна на другую. Подвижность исчезает в статическом моменте фотоснимка, ее можно уловить только в живом проявлении человека. Интересно, что когда как-то спросили Святослава Николаевича, почему он, создавший столько замечательных портретов Николая Константиновича и Елены Ивановны, не написал ни одного с Юрием Николаевичем, так он ответил, что Юрий Николаевич совершенно не способен позировать, его постоянно отвлекали другие дела, к которым

он устремлялся как внешне, так и всеми своими помыслями. В результате сделано лишь несколько эскизов и ни одного законченного портрета.

?.- Юрий Николаевич был большим ученым лингвистом и востоковедом. Это, вероятно, сказывалось как-то на его укладе жизни, на его общении с другими людьми?

От. - На укладе жизни возможно - да. Он много времени уделял научным дисциплинам, собрал уникальную библиотеку и, вообще, старался быть в курсе всего, что мировая наука предлагала нового в области востокознания. Но в общении с людьми - я не сказал бы. Он был очень скромным человеком и не выставлял своих знаний на показ. Его знания тонули в той душевной теплоте, в той деликатности, с которой он к людям обращался. Юрий Николаевич был одинаково внимателен и участлив ко всем, и для него не играло роли, чем человек занимается - близкой ли его интересам наукой или нет. В человеке он искал человека и всегда к нему обращался. Все остальное, как-то занятия, образовательный ценз, национальность, мировоззрение - отодвигалось на второй план. Юрий Николаевич, если и опасался чего-нибудь, так это незаслуженно человека обидеть. Повторяю, что главное в его обращении с людьми была деликатность. Но из этого не следует делать вывода в мягкости его характера, о готовности уступать и жертвовать своими убеждениями. Обычно деликатность мы привыкли связывать с мягкотелостью. Между тем, деликатность скорее указывает на отсутствие грубости в характере человека. От всякого проявления грубости Юрия Николаевича коробило.

?.- К такому заключению Вы пришли на основании длительного общения с Юрием Николаевичем или на основании тщательного изучения материалов о нем?

От. - Очевидно, имеет место и то и другое. Непосредственного личного общения у меня было не очень-то много. Жил я всегда в Таллине и в Москве бывал только наездом, что не позволяло видеться с Юрием Николаевичем часто. Недостаток личного общения восполнялся перепиской. Но ключ к разгадке человеческой сущности всегда лежит все-таки в личном общении. Скажу откровенно, что если бы я лично не встречался с Юрием Николаевичем, то у меня сложилось бы несколько иное мнение о нем, сколько бы я не изучал по документам его жизнь и деятельность. Я бы не почувствовал бы того, что непередаваемо на бумаге - большой обаятельности личности Юрия Николаевича. Мне не найти другого определения, но именно в самой интонации каждого слова, в каждом жесте Юрия Николаевича заключалось покорявшее собе-

седника обаяние. Оно как-бы обволакивало тебя особой интимностью и наслаивало на слова свою печать, и общение придавало необыкновенную доверительность. Каждый собеседник, очевидно, думал, что такое отношение проявляется только к нему. Но это был общий подход Юрия Николаевича к людям.

? . Можете ли Вы припомнить обстоятельства, при которых Вы первый раз встретились с Юрием Николаевичем?

От. - Конечно. Хотя прошло более двадцати лет со дня его кончины, но его образ как живой стоит передо мной. Это и не удивительно. Ведь почти двадцатилетний период отделял мою переписку с ним от того момента, когда я, будучи в Москве, позвонил ему в Институт Бостоковедения. Там я Юрия Николаевича не застал, но мне дали его домашний телефон. Я набрал номер, трубку поднял он сам, и я, называв свою фамилию, напомнил ему, что через меня он получал когда-то советские издания. Но это напоминание оказалось напрасным. Юрий Николаевич отличался завидной памятью. Он назвал меня по имени отчеству, спросил, где я нахожусь и могу ли сразу к нему приехать? Дело было уже к вечеру, я нанял такси и через полчаса поехал к дому на Ленинском проспекте, где он жил. Юрий Николаевич уже ждал меня. Он открыл мне двери на мой звонок, мы поздоровались, и он проводил меня в свой кабинет. В кабинете, заставленном книжными полками, парил полумрак, так как горела лишь настольная лампа на большом письменном столе. Указав на полки с книгами Юрий Николаевич промолвил: "Чувствуйте себя как среди старых знакомых, среди книг много тех, которые Вы посыпали мне. Они вернулись вместе со мной на свою родину". Проговорив это он как-то особенно тепло взял меня за плечи и усадил на стул. Тут-то я и почувствовал то обаяние, которое исходило от него и от всей окружающей обстановки, и которого никогда не познаешь при самом тщательном изучении документов о человеке. Все, разделяющие людей перегородки, моментально исчезли, показалось, что ты давно уже сидишь в этом уютном полумраке кабинета, и без всякого напряжения потекла сердечная беседа давно не видевших друг друга людей.

? . - О чём Вы начали говорить?

От. - Разговор начал Юрий Николаевич. Он подробно расспросил, как прожил я эти годы, как сказалась на моей жизни война. Узнав о бедах и опасностях, которые мне, как и большинству советских людей, пришлось испытать, Юрий Николаевич проговорил: "Если Вы после всего этого остались в живых, значит Вы еще будете нужны. Я считаю,

что все испытавшие на себе с риском для жизни это трудное время, для чего-то пригодятся. Надо так сделать, чтобы пригодиться. Жизнь была продлена авансом, а всякий аванс нужно погасить делами". Затем я расспросил Юрия Николаевича о неизвестных мне частностях их жизни, и разговор незаметно перешел на более общие предметы. Тут Юрий Николаевич, как радушный хозяин, предложил пойти в столовую, чтобы выпить чашку чая и подкрепиться. Но, признаюсь, я был так взволнован этой первой с ним встречей, так не хотелось разбавлять ее чем-то обиденным, повседневным, что от чая отказался и сказал Юрию Николаевичу о причине своего отказа. Он понял мое состояние и на чаепитии не настаивал, а зажег верхний свет и стал показывать неизвестные мне картины Николая Константиновича. Особенно сильное впечатление на меня произвело полотно "Гэсер-хан". Эта картина, созданная в 1941 году, была подарена Юрию Николаевичу ко дню рождения его отцом. К картине так и просились строки Блока:

"И вечный бой! Покой нам только снится

Сквозь пыль и кровь..."

Мне стала ясна близость данного сюжета натуре Юрия Николаевича. Как и Гэсер, он был по складу своего характера - воином. Внешний вид кабинетного ученого - был обманчив. Его деликатность была ни чем иным, как оружием против царящей в мире грубости. Он не считал, что подобное изживается подобным же. И это доказывал гордый, благородный облик коня и всадника на нем с натянутой тетевой лука. Всадник целился очень далеко, куда-то в пламяющее красным заревом небо. Это был скорее вызов грядущему, чем преследование какого-то врага. Смотреть далеко вперед и быть готовым вступить в бой за лучшее будущее человечества - этим качеством наделил своего героя Гэсэра монгольский народ. Оно было свойственно и Юрию Николаевичу. Всем своим обличием он подтверждал слова нашего поэта:

« Сердце-

молодость мира-

ты бьешься в груди,

Настоящее счастье всегда впереди!"

/В.Луговской. "Ночь весны"/

Сердце у Юрия Николаевича было молодым, и устойчивость он находил, вопреки мнению многих, скорее в полете, нежели в неподвижности. Первая моя встреча с Юрием Николаевичем затянулась почти до двенадцати ночи. Вообще, от него было трудно уходить. Что греха таить, все мы злоупотребляли его гостеприимством.

? . -Какие темы Вы затрагивали в этой и последующих беседах с Юрием

Николаевичем. Как, например, он оценивал современность, интересовался ли устремлениями молодежи?

От. -Смотреть в будущее и не интересоваться молодёжью – значит строить себе пустые фантазии. Юрий Николаевич никогда не был фантазером. Он всегда исходил из современного положения вещей и зная, что конкретными носителями будущего являются новые поколения, старался трезво оценить нашу молодежь. Когда я его спросил, как он относится к излишней жажде материальных благ молодежью, к их погоне за "красивой жизнью", он ответил: "В этом нет ничего страшного. Народ слишком изголодался за войну, хочет жить лучше и, порою, захватывает лишнее. Один раз должно наступить естественное насыщение, и положение изменится. Жажда знания, потенциал которой очень велик, возьмет ~~и~~верх над потенциалом "красивой жизни". Я верю в это". Вообще-то Юрий Николаевич не идеализировал молодежь, считал, что ей надо еще много соблазнов преодолеть, но он верил, ~~и~~что они будут преодолены. Так он немного иронически смотрел на увлечение западными образцами и считал, что такое внешнее подражательство – внешним и останется. Оно не затронет главного в человеке, того, что принесла с собой революция – стремление к справедливости и чувства причастности ко всему, что в мире происходит. Юрий Николаевич точно определил некоторую разбросанность нашей молодежи, отсутствие у нее четко намеченных целей. Он говорил, что молодые люди часто бросаются на новинку, не разобравшись хорошенько – что к чему. Своего рода погоня за "модой", за сенсацией. Например, с чувством юмора, он говорил, что "жертвой" такой "моды" он был сам. Его появление в Институте Востоковедения вызвало своего рода сенсацию среди учащихся. Как ни как, а человек приехал из Индии. Заниматься у него посчитали нужным многие, и нередко между ним и будущими аспирантами происходили, примерно, такие диалоги: – Юрий Николаевич, я хотел бы/хотела бы/ попасть к Вам на аспирантуру. – Благое желание. Что же Вас так интересует? Какие конкретно, знания я могу Вам передать? Чем лично могу оказать Вам пользу? – Тут обычно наступала длительная пауза, которую прерывал совет Юрия Николаевича: – Знаете ли, подождите еще годик до того, как решать окончательно, к кому вам следует определяться. Подумайте хорошенько над тем, что Вам необходимо, а тогда уж видно будет – тот ли я человек, который может удовлетворить Ваши интересы? – А, может быть, это можно объяснить повышенным интересом к личности Юрия Николаевича, ведь он был одним из "Рерихов", что тоже немало значило

От. - Может быть. Даже наверное так и было. Но это как раз и не нравилось Юрию Николаевичу. Любопытство и жажда знания - две вещи разные. Сам -то он хорошо знал уже в 15 лет, что он хочет и у кого ему следует заниматься. Потому-то на двадцать первом году своей жизни он имел уже звание магистра индийской филологии. Юрий Николаевич считал, что до того, как чего-то добиться, необходимо четко себе представить - что именно ты хочешь. Этого-то как раз и недостает нашей молодежи. Для нее, действительно, открыты все пути, но это отнюдь не означает, что всех их следует испробовать, тем более двигаясь вслепую или руководствуясь подвернувшимся случаем.

? . - Интересно было бы знать, как Юрий Николаевич в целом воспринял жизнь на Родине. Ведь он большую часть жизни провел зарубежом, получая там высшее образование, работал в иностранных институтах. Вероятно, были некоторые трудности, чтобы переориентироваться?

От. - А Юрий Николаевич и не переориентировался. Он остался самим собою, тем более, что ориентация у него всегда была русская. Он следил за всем, что у нас происходило, ему был совершенно чужой "западный образ жизни", как и западнические тенденции мировоззрения, в семье они всегда пользовались русским языком. Когда я у него спросил, не сказалась ли перемена места и условий жизни на его научной деятельности, он ответил:

- В Советском Союзе люди науки имеют все необходимое для своей деятельности и обеспечиваются гораздо лучше, чем в Западных странах. Нужно только, чтобы их работа была направлена на пользу отечества.

Это, само по себе разумеющееся условие, было воспринято Юрием Николаевичем в недрах семьи. Его отец писал в свое время:

".....исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четырех в своей области накопил немало знаний и опыта. Для кого же мы все трулились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости и трудности и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и постижений. Ни на миг мы не отклонились от русских путей. Именно, русские могут идти по нашим азиатским тропам. И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий - в науке, Святослав в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих".

/Н.Рерих."Четверть века"/

Если семья Николая Константиновича чувствовала себя странниками, то, безусловно, оказавшись в России, Юрий Николаевич почувствовал себя как путник, возвратившийся домой. Мне очень запомнились его слова, сказанные им о судьбах России: "Ни одна капля крови, пролитая в революцию или в последнюю войну, не должна быть напрасно пролитой кровью. За это мы все в ответе".

? - Чувство ответственности, вероятно, было сильно развито у Юрия Николаевича?

От. - Безусловно. Грешить для того, чтобы каяться, а каяться для того, чтобы спасаться - Юрий Николаевич не считал достойным человека. За все содеянное человек должен отвечать, и если он будет об этом знать заранее, то меньше будет необдуманных действий. Если же ты совершил ошибку, то полумай, как ее исправить. От твоего покаяния никому легче не станет. "Отпущение грехов" Юрий Николаевич считал смертным грехом религии.

? - Кстати, каково отношение к религии было у самого Юрия Николаевича? Мне приходилось слышать о его приверженности к буддизму. Насколько это отвечало действительности?

От. - Юрию Николаевичу, как всем членам семьи Рериха, были чужды всякие религиозные предрассудки, всякая перковная обрядность. Он уважал чужие убеждения, те нравственные положения религии, которые сходятся с общечеловеческими положениями о морали. Выработанные веками, они крепко вошли в сознание человека. В Индии, где до сих пор религия играет подавляющую роль в становлении нравственности, уважение к ней традиционно. Но это отнюдь не означало принадлежности или особой симпатии Юрия Николаевича к каким-либо церковным институтам. Будучи историком культуры и изучая историю религий, Юрий Николаевич сам придерживался научного мировоззрения, отличительной чертой которого было самое широкое допущение всего нынешнего. Отрицание и узость горизонта, где бы они не проявлялись - в науке или религии - были ему не свойственны.

? - В начале беседы Вы упомянули о некоторых неожиданных для Юрия Николаевича увлечениях. В чем они заключались?

От. - Неожиданными они скорее были для нас, чем для него самого. Например, ожидать в ученом подлинный интерес к военному делу - для нас непривычно. Между тем, Юрий Николаевич серьезно изучал военное дело всю свою жизнь. Среди книг его библиотеки были специальные труды о современных методах ведения войны. И интерес этот, что называется, был "врожденным". В одном из писем ко мне

Николай Константинович сообщил, что ему случайно попал в руки сельскохозяйственный журнал со статьей агронома Шаховского, и просил узнать не Яков ли это Михайлович из Пскова, муж тетки Елены Ивановны, с которым они потеряли связь после революции. Я съездил в Печеры, где указанный Шаховской проживал, и установил, что Шаховские являются близкими родственниками Рерихов. Яков Михайлович мне и поведал, что один из сыновей Рерихов так увлекался в детстве военным, что не иначе, как сделал воинскую карьеру. На это я ответил, что один сын Николая Константиновича - Ученый, второй - художник, и оба ни малейшего интереса к военному делу не испытывают. Однако, когда я сообщил Николаю Константиновичу о своем разговоре с Шаховским, он ответил мне, что, действительно, Юрий Николаевич с детства интересовался ~~ихим~~ всем, что касается военного дела. Позднее я узнал, что в Париже он окончил специальную Офицерскую школу, во время азиатских экспедиций организовал по всем правилам их военную охрану и по сейчас следит за всеми новинками тактики и стратегии воинского дела. Так что, когда в начале Отечественной войны Юрий Николаевич подал заявление на имя нашего посла в Лондоне - И.М.Майского - заявление о готовности вступить добровольцем в ряды Красной Армии, он имел соответственную подготовку, и двигало им не одно патриотическое чувство. Мне приходилось говорить с Юрием Николаевичем о возможной опасности новой войны. В такую возможность он не хотел верить, но не исключал такого безумия со стороны врагов Советского Союза. "Молодежь должна быть ко всему готова" - вот его слова. Юрий Николаевич был истинным патриотом своей Родины.

? . - Юрий Николаевич получил большую известность как лингвист-востоковед. Что он сделал в этой области, и каков был его путь ученого?

От. - Путь был весьма прямолинеен и в то же время достаточно широк. Юрий Николаевич не относился к ~~узким~~ специалистам, избравшим одну часть обширной науки востоковедения. Он является скорее энциклопедистом в области истории культуры большого региона, охватывающего на севере Сибирь, на юге - Цейлон. На востоке - Японские острова и на западе - Балканы и Египет. Будучи еще гимназистом, он занимается у известного русского египтолога Б.А.Тураева и у Монголоведа А.Д.Руднева. В Лондоне он поступает в индо-иранскую школу восточных языков при Лондонском университете. Про-

должает свое востоковедческое образование в Гарвардском университете, где получает звание бакалавра индийской филологии. Завершает его в Парижском университете, где совершенствуется в санскрите, тибетском и монгольском языках, слушает курсы китайского и персидского языка. Среди его учителей были всемирно известные востоковеды Д.Росса, Г.Ланман, П.Пеллио, С.Леви, А.Месперо, В. Минорский и др. Юрий Николаевич сразу же поразил широтой своих культурных интересов. Интересы эти получили дальнейшее развитие и благодатную почву для практического применения в экспедициях, предпринятых его отцом. Юрий Николаевич в совершенстве владел русским, английским, французским, немецким, греческим, латынским, тибетским, монгольским, санскритским, пали, хиндустани, иранским языками, знал китайский, испанский, итальянский и многие другие языки и местные народия. Ему были доступны любые первоисточники, как и разговорный язык в живом общении с аборигенами исследуемых стран. Из работ Юрия Николаевича широкую известность приобрели: "По тропам центральной Азии", эта книга переведена так же на французский язык и вскоре появится на русском. "Звериный стиль у кочевников Тибета", "Голубые Анналы", в этом переводе с их тибетского в обширном предисловии Юрий Николаевич уделяет особое внимание запутанной хронологии Тибета VII - IX вв., и она стала событием в мировой тибетологии. Им внесен большой вклад в этой области. Перу Юрия Николаевича принадлежат четыре монографии по тибетскому языку, в которых, на основе живой тибетской разговорной речи, прослеживаются фонетические, тональные, морфологические и синтаксические особенности тибетских диалектов. Много места Юрий Николаевич уделил изучению Центрально-Азиатскому эпосу о Гэсэр-Хане, писал статьи по археологии, тибетскому буддизму, народным религиозным верованиям, истории азиатских стран, фольклору и т.д. Им составлен большой тибетско-санскрито-англо-русский словарь, который подготовлен к печати Институтом Востоковедения Академии Наук СССР. Известны его исследования культурных связей Индии с другими азиатскими странами, как-то: китаем, тибетом, и исследования тибетско-китайских отношений, взаимовлияния тибетского и монгольского языков, эллинистические влияния на восточное искусство. Юрий Николаевич также изучил сложнейший буддийский астрологический трактат "Калачакра" и перевел религиозные тексты с различных языков Азии. В 1945. году им была опубликована большая статья "Индология в России", в которой разбиралась история возникновения и развитие русско-индийский культурных, политических

II

и научных связей. Кроме того, Юрий Николаевич вел обширную педагогическую и организационную работу.

? . - Ведь он возглавлял организованный его отцом Институт Гималайских исследований "Урусвати". Что бы Вы могли сказать о этой деятельности Юрия Николаевича?

От. - Он был бессменным директором и участником большинства экспедиций института "Урусвати". Институт этот был единственным, занимавшимся комплексным изучением Гималайского региона, и универсальность знаний Юрия Николаевича помогала ему быть активным руководителем всех сотрудников. Они охватывали область археологии и смежных с нею наук и искусств, область естественных наук, включая как древнюю так и современную медицину и фармакологию, область лингвистики и фольклора. При институте функционировала биохимическая лаборатория, проводились исследования космических лучей, была собрана обширная библиотека со множеством древних манускриптов, был открыт музей, где собирались многочисленные научные находки экспедиций. Издавался ежегодник "Урусвати", отображавший многообразную научную деятельность института. Институт "Урусвати" обменивался научной информацией с 285 институтами, университетами, музеями, научными учреждениями всего мира. Координировать всю эту научную деятельность и руководить ею было не просто, но Юрий Николаевич успешноправлялся с этим. В 1940 году "Урусвати" пришлось законсервировать, т.к. вторая мировая война нарушила все международные связи. В настоящее время Святослав Николаевич Рерих прилагает все усилия к возобновлению его деятельности, для чего привлекаются ученые социалистических стран.

? . - Как консервация института "Урусвати" сказалась на научной работе Юрия Николаевича? Ведь он лишился привычной базы своей деятельности.

От. - Надо сказать, что чисто научная деятельность Юрия Николаевича мало пострадала. Работа в "Урусвати" брала много времени на организационные вопросы, теперь его можно было посвятить систематизации собранных материалов и подготовке к печати собственных трудов. В 1948 году, после кончины Николая Константиновича Рериха, Юрий Николаевич уезжает из Кулу и продолжает свою научную деятельность в Калингпонгском институте, где сотрудничает с известным индийским тибетологом Рахулой Санкритаяна. К э тому времени относится публикация важнейших трудов Юрия Николаевича по тибетологии и буддизму.

В 1957 году, наконец, осуществилась заветная мечта Юрия Николаевича — переезд на Родину и начало научной деятельности в Институте Востоковедения Академии Наук СССР, где он возглавил сектор истории религии и философии Индии и занял ведущее место в советской тибетологии. За короткий срок своей работы в Институте Юрий Николаевич подготовил к печати и отредактировал несколько книг и много статей на различные темы. В мае 1960 года, в разгар его интенсивной деятельности, неожиданно для всех смерть вырвала Юрия Николаевича из наших рядов.

? . — Действительно, это было большой неожиданностью для всех. Известны ли Вам подробности его болезни и кончины?

От. — Я как раз приехал в Москву за три дня до роковой даты — 21 мая. В Москве находился и Святослав Николаевич с Левикой Рани. Он приехал со своей первой выставкой в Советском Союзе России, подготовку которой вел Юрий Николаевич. Ничто не предвещало печального конца. Вечером все ужинали у Юрия Николаевича. Он был как всегда весел и оживлен. Я засиделся после ужина. Разговаривали на разные темы. Помню, что я подошел к репродукции картины Николая Константиновича "Ангел Последний", и Юрий Николаевич рассказал мне историю возникновения сюжета этого произведения. На картине изображен "последний суд" и объятая пламенем Земля. Я спросил его: "неужели, в результате последних достижений в науке, наша Планета не заслуживает лучшей участи, как быть расколотой атомом попадам?" — "Нет! Этого не должно случиться. Здравый смысл восторжествует, и опасность будет отведена" — был категорический ответ Юрия Николаевича. Хотя он и был несколько усталым, но как всегда полон энергии, и говорили мы больше о планах на будущее, которые больше всего занимали Юрия Николаевича. На другой день, т.е., накануне ^{его} кончины, я говорил с Юрием Николаевичем по телефону. Он приглашал меня опять отужинать с ним и Святославом Николаевичем. Но я был занят в тот вечер. Конечно, все свои занятия я бы отложил, если бы знал, что увижу его в живых последний раз. Но, как говорится, "не знаем ни дня, ни часа", и мы сговорились встретиться у него на квартире на следующий день к вечеру. Когда на следующий день к назначенному часу я явился, на звонок почему-то дверь отворил Святослав Николаевич. Он встретил меня словами: "Час тому назад умер Юрий Николаевич". Меня сраziли эти слова. Святослав Николаевич проводил меня в спальню, где на простой походной кровати, на которой обычно спал Юрий Николаевич, лежало его бездыханное тело. Вскоре прибыл вызванный

из клиники им. Склифосовского автомобиль, я помог положить тело Юрия Николаевича на носилки, и мы вынесли его из навсегда опустевшей квартиры, в которую я входил всегда с великой радостью. В этот вечер квартиру посетили Индийский Посланник, представитель Института и другие лица, чтобы выразить Святославу Николаевичу и Девице Рани свое соболезнование.

? . - Кто же был с Юрием Николаевичем при последних минутах? Какая помощь ему была оказана и что показало вскрытие? Я слышала, что вместе с ним жили приемные дочери Н. Рериха, они не могли оставить Юрия Николаевича без присмотра?

От. - Прежде всего, необходимо уточнить о "Приемных дочерях". Вокруг имени Николая Константиновича всегда складывалось много легенд, легенда о "приемных дочерях уже посмертного происхождения. Дело в том, что во время обратного маршрута экспедиции в Индию, в Урге в состав ее была включена Л. Богданова, женщина 23 лет, о чем имеется соответствующая запись в "Ведомостях служебного состава экспедиции", из коей следует, что причиталось получить 700 ам. долларов по окончании маршрута. Л. Богданова взяла с собою, с согласия Рериха, свою 15 летнюю сестру. По окончании экспедиции сестры Богдановы остались служить у Рерихов. Им было поручено ведение хозяйства. Только в 1957 году, вместе с Юрием Николаевичем, они вернулись обратно в СССР. Никаких разговоров об удочерении вполне взрослых женщин Рерих никогда не заводил и представлял свою семью, как состоящую из жены и двух сыновей. Так что возникшая уже у нас в Союзе версия о "Приемных дочерях" относится к области "творимых легенд". Сестры Богдановы, действительно присутствовали при кончине Юрия Николаевича. Еще накануне вечером он почувствовал боли, но приписал их позднему ужину. На утро боли не стихли. Вызвали ведомственного врача. Он предложил сделать укол, укрепляющий сердечную деятельность, но от укола Юрий Николаевич отказался. Врач обещал наведаться еще раз. Разыскали постоянно пользовавшего Юрия Николаевича доктора. Тот, не найдя ничего угрожающего, дал болеутоляющее средство и ушел. Когда Юрий Николаевичу стало хуже, около него оказались только сестры Богдановы. Перепуганные женщины были бессильны чем-либо помочь. Посетивший вторично ведомственный врач должен был констатировать смертельный исход. Конец наступил внезапно. Медицинское вскрытие показало лишь следы атеросклероза, на что ранее Юрий Николаевич не жаловался.

х/ Распространению этой легенды много способствовали книга "Зажигайте сердца" и ряд публикаций, изданных под литературным псевдонимом "И.М.Богданова-Перих". В данном случае фамилия "Перих" отнюдь не указывает на принадлежность Богдановой к семье Перихов.

? . -Вероятно, Святослав Николаевич очень переживал кончину Брата? Ведь он остался последним из семьи, и на него ложились дополнительные заботы.

От. -Конечно, смерть Юрия Николаевича принесла ему большое горе. Прошло почти три года, как они последний раз виделись в Индии. Накопилось многое, чем хотелось поделиться между собою. В первых встречах многие важные разговоры откладывались. Теперь им уже не состояться никогда. Намечалась совместная поездка в Ленинград, где также были показаны картины Святослава Николаевича. Ленинград - город, где прошли детские и юношеские годы всех Перихов. С тоской смотрел Святослав Николаевич из окна гостиницы "Астория" на Исакиевскую площадь. Их квартира была совсем рядом, и дорога в гимназию, по которой они ходил с братом, пересекала её. Вероятно, он вспоминал те далекие годы, и она напоминала ему о многом безвозвратно ушедшем. Но смерть есть смерть, а жизнь есть жизнь, и она требует живого к себе отношения. Внешне Святослав Николаевич оставался спокойным и выдержаным, как и всегда. По его распоряжению была передана уникальная библиотека брата Институту Востоковедения, на основе которой организован Кабинет Имени Юрия Николаевича, функционирующий и поныне. По ходатайству же Святослава Николаевича за сестрами Богдановыми была пожизненно закреплена квартира, где жил Юрий Николаевич, а самим сестрам определены пенсии. Судьба культурных ценностей и предметов искусства, которые годами собирала семья Перихов, пока что осталась открытой. По мысли Святослава Николаевича, они должны принадлежать русскому народу.

Мне навсегда запомнились слова Святослава Николаевича, сказанные им по случаю скоропостижной кончины брата: "Он ушел из жизни полный творческих сил и неосуществленных планов. Когда-то такой же неожиданной была для нас и смерть отца. Но потом мы поняли, что, может быть, так и следует оставлять жизнь. Уходить из нее на подъеме своих дел, уходить, так сказать, на гребне волны. Подхваченные другими, все начатые дела будут продолжены".

Жизнь Юрия Николаевича не знала спадов, и покинул он ее в стремительном взлете волны. Прошло более 20 лет со дня его кончины, и

мы можем констатировать, что начатые им дела нашли свое продолжение, а его имя высоко поднято отечественной наукой и вечно останется вписаным в ее анналы.